

Пять Ночей

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Серик Куламбаев

Серик Куламбаев

Пять Ночей

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Куламбаев С.

Пять Ночей / С. Куламбаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

У каждого человека есть свои скелеты в шкафу. Одни прячут их от всех, другие прячут от себя. Александр, герой этой иронической повести, бывший популярный журналист, а ныне спивающийся малопрятный тип. Его высокомерие опускает окружающих до уровня интеллектуального мусора, безропотных пассажиров трамвая судьбы. Однажды в стриптиз-клубе Александр встречает девушку, подкупающую губительной простотой. То, что он всеми силами пытался забыть, переписать в своей памяти, выплескивается наружу. Но что за этим может последовать? Какие превратности ожидают взбунтовавшихся пассажиров? Содержит нецензурную брань.

© Куламбаев С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Меланхолический эпилог	5
Предисловие	6
Исполнения желаний	7
Редакция	9
Шахматы	12
Игра	16
Ночь первая	19
Если откажется	22
Ночь вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Меланхолический эпилог

...Наступает момент, когда ты как бы оказываешься в пустоте. Ни дорог, ни перекрестков, никаких следов. Куда идти? Зачем? Да и сил никаких нет. Одиночество, неизбежность, нет страха, нет желаний, нет воли двинуться с места. Горизонт очерчивает только прошлое, будто жизнь уже прожита, и ты по инерции катишься к последнему дню. Ты пытаешься быть весёлым, ныряешь в стакан, глумишься над коллегами, искусственно раздувая собственную значимость. Оглядываться не хочется. Там то, что ты пытался забыть, завалить грудой беззаботных воспоминаний. У каждого живут свои скелеты в шкафу. Одни прячешь от всех, другие прячешь от себя.

Но однажды прошлое настигает тебя. В обычном разговоре среди пустой трепотни. И ты либо врешь самому себе, либо вытаскиваешь события в слегка искривлённой форме, пытаешься натянуть на себя всеобщее сочувствие. И даже этого шажка бывает достаточно, чтобы ощутить раскаяние, сдвинуться с места и тащить свой противоречивый багаж сквозь жизнь, всё так же переполненную испытаниями.

Как сложилось, что в этот солнечный день я оказался на кладбище, у могилы, что вырыта для женщины, которую я никогда не видел живой? Женщины, матери – больше ничего о ней и не знаю. И глядя на незнакомое неживое лицо, я ищу смысл своим поступкам или её смерти, вещам, вроде совершенно не связанным друг с другом.

Говорят, что взмах крыла бабочки способен вызвать землетрясение на другом конце света. Может ли женщина, родившая и вырастившая дочь, отдавшая ей всю себя без остатка, почувствовать предсмертную агонию дочери и передать ей свою жизнь? Или это всего лишь цепь случайных событий, превратность судьбы, и мы просто пытаемся связать непостижимые для нас вещи?

Предисловие

В предисловии обычно принято раздавать благодарности многочисленным *friendam*, жёнам, кошкам, собакам, вдохновившим автора на очередной трёхгрошовый бестселлер. Я опушу этот трогательный ритуал. Не то чтобы у меня никогда не было этих животных и никто из них не гадил на эти огнеупорные рукописи. Просто не хотел бы присовокуплять их добрые имена и клички к этой карикатурной истории полной больных фантазий, навязчиво всплывающих в сознании даже самых истовых поборников праведности.

Смелость утверждать, что упомянутые фантазии будоражат умы каждого индивида, основывается на моём опыте редактирования слезливых мемуаров, героических автобиографий и самых безобидных резюме. Я – редактор. Новиков Александр, 42, рост, вес – как на обложке.

Расчищая словесный мусор, коим авторы заваливают свои жизненные пути с момента рождения их непорочных предков, создавая невероятное количество непреодолимых преград, я приводил эти перегруженные сентиментальностью поезда к их конечной станции – складам современной макулатуры.

Тщеславные нувориши, несостоявшиеся гении, решившие отлить себя в формате карманного словаря, не способны выразить блёклые чувства в чувственных тонах или вселенскую скорбь в предложении из трёх букв. Вот и приходится редакторам вдыхать жизнь в бессмертные произведения Шариковых, наполнять затхлые биографии бухгалтеров невероятными приключениями, а бессвязный бред спившихся чиновников превращать в жизнеутверждающие гимны. Редакторы переписывают судьбы, подводят итоги жизненного пути, вдохновляя потомков на такие же героические мемуары.

Как-то адаптировал монографию по адронному коллаидеру для школьной программы. Получилось что-то вроде такого: «Там такая фигня, она как давай фигнюшками фигачить! Тыдындж, тыдындж. И от них другие фигнюшки в разные стороны. Вот такая вот фигня». Последствия таких переводов неизбежно сказались на моём «литературном» стиле – суржике мата и художественного повествования, а также привели к запутанности изложения.

Метаморфозы¹ и каламбуры² сопровождают не только обновленные биографии, но и лезут в собственные мемуары редакторов, поданные как плоды творческих мук.

Художники пишут картины, а пытливые сердца наполняют их собственными чувствами. Поэтому не буду злоупотреблять в рассказе детализацией типовых интерьеров или глубиной избитых образов, которые без труда можно загрузить в воображение из более сакраментальных источников. Предметы, ощущения, мысли будут доступны лишь в видимой их части, оставляя простор вашему собственному дизайну.

¹ кардинальное изменение взглядов под воздействием материальных стимулов

² игра противоречий, двусмысленность

Исполнения желаний

К вечеринкам я пристрастился ещё в школе, усугубил в университете. Женитьба никак не сказалась на их регулярности. Затяжные переговоры с тёщей лишь усилили тягу к независимости и формированию устойчивой, как мне казалось, коалиции соратников и собутыльников. Благоверная оказалась терпеливой женщиной и беззаветно посвящала свои лучшие годы моей застывшей творческой юности. Наивно верила многочисленным обещаниям о безмятежном будущем, о домике у моря, и что золотая рыбка будет у неё на посылках. Но в одно прекрасное утро моя половинка наконец допетрила, что к домику у моря прилагается разбитое корыто, упаковала нажитое непосильным трудом родительское приданое и укатила в рассвет альтернативного будущего.

В тот период я совсем слетел с катушек. Ночные клубы с их однообразием синтетической одухотворенности осточертели, бары начали наводить скуку своей бесхитростной трескотнёй, и «пристань загулявшего поэта» постепенно переселилась в квартиру. К несчастью домработницы Клавы, моя нора имела талант с лёгкостью превращаться в любое развлекательное заведение. Вход бесплатный, выпивку, игрушки рекомендуется приносить с собой. Шумные травмоопасные пьянки сменялись «литературными» чтениями с братьями по перу, не менее шумными. Иногда эти компании скрещивались, и тогда банкет завершался в полицейском участке.

Любимым развлечением у нас была пьяная игра в карты на исполнение дебильных желаний. Они не подразумевали секса, но и приличия тоже не содержали. Уважаемой банкирше пришлось в буфете театра вести разговор с почтенной дамой об искусстве и духовности, а потом случайно опрокинуть сумочку, из которой высыпалась коллекция презервативов и фаллос колоссального размера. Кузе, зайке от природы и лучшему корректору, довелось со слезами на глазах умолять продавщицу супермаркета обменять грязные бутылки на буханку хлеба, потому что есть очень хочется, но если нет, то хотя бы на пиво. Влюблённая пара просилась пописать в два часа ночи в квартиру на первом этаже соседнего дома. Мощный бас уставшего от попрошаек ротвейлера не только опорожнил мочевые пузыри страждущих, но и поверг в паническое бегство наблюдателей. Подлинные справки об отсутствии триппера, паралича или иной выдуманной болезни служили входным билетом на следующие посиделки.

Но самый жестокий проигрыш случился с коллегой процветающего издания, которого со всех рук валила наша завистливая братия. Ему суждено было стоять на четвереньках в жёстком ошейнике и лаять на прохожих под команды оповещённой об его изменах супруги.

– Шурик, голос!

И Шурик подавал голос. Скулил, пытался почесать задней лапой за ухом, слизывал сахар с руки, хвостом развел что вилять не научился.

Его щенячий взгляд наполнялся такой преданностью, что осмелевшие карапузы старались его погладить, а подслеповатые бабульки интересовались:

– Что за порода?

– Офисный водолаз, – отвечала хозяйка, пиная псину под зад.

– Кобель?

– Теперь сука. Щас на случку поведу.

– Не-не-не, – лаял водолаз человеческим голосом, – о таком не договаривались.

Обалдевшие бабульки хватали хохочущих малышей в охапку и растворялись в недрах многоэтажных убежищ. После этого случая выдрессированный коллега не брался за карты и завёл пуделя.

О своих собственных проигрышах, извините, я предпочту умолчать.

С годами пресыщенность переросла в изжогу, кошелёк похудел, а шлюхи поправились. Компания становилась всё воспитанней и ужалась в размерах. Кто-то скоростижно отбыл в места не столь отдалённые, кто-то замёрз у семейного очага, а кто-то принёс себя в жертву показательной добропорядочности.

В итоге остались только я и контуженный в Афгане Макар. На несколько лет старше меня, застрявший в чувстве ещё не исполненного долга, он был полной моей противоположностью. Родился в каком-то колхозе, то ли Рыбинске, то ли Рыбачьем, ловил, полагаю, в детстве щук, уговаривал исполнить желание. Те отказывались. Стал их казнить: потрошить, вешать, поедать внутренности – один хрен, желания не сбывались. Перешёл на лягушек. Нашёл всё-таки одну, Оксаной назвал. Царевной она, разумеется, не стала, в чём он, подлюка, и был виноват, но научила его жрать траву и принимать ванны. Пыталась отвадить мужа от пьянства: водила к бабкам на заговоры, кодировала, но он же контуженный – если в пятницу не выпьет, то в субботу идёт на штурм Кандагара. После затяжных и кровопролитных боёв, психушки и ЛТП³ неприятель оставил Пятницу. За прочие священные дни бои продолжались с переменным успехом.

Удивляюсь, как этому алкоголику удалось не промотать накопления нулевых. Наверное, всё-таки жена. Построили на отсуженном пяточке трёхэтажное здание, стали сдавать комнаты в аренду, открыли ателье. Крутятся-вертятся, живут не хуже других. Глядя на них, я тоже решил занять себе «свечной заводик». Прикупил колхозной земли по смехотворной цене и веселюсь теперь без остановки – цены всё смешнее и смешнее.

³ лечебно-трудоустройственной профилакторий. Оборжаться кто-то название придумал

Редакция

В отличие от многих рупоров свободной⁴ демократической прессы, обитателей стеклянных ферм с мифическими социальными лифтами, издательство нашей газеты не обласкано вниманием благодетелей и влачит своё существование в кирпичной постройке середины XX века. Застрявший в прошлом столетии коллектив вынужден пользоваться служебной лестницей, поднимаясь на третий этаж, в нашу редакцию.

Многочисленные инквизиторы правильного бытия в лицах и физиономиях налоговиков, пожарников, СЭС и прочих аббревиатур выставляют нам непомерные счета, налагая всё новые и новые санкции. Но санкции, как известно, незаконны и несправедливы только в отношении государственного аппарата. Надеюсь, теперь-то государство нас понимает.

Интернет с его вездесущими блогами, социальными сетями и всезнающей из достоверных анонимных источников *Wikipedi*ей пытается низвести нас до уровня упаковочного материала. Выручают пенсионеры, привыкшие к шелесту газетных страниц, но и они считают нас рудиментом исчезающей цивилизации.

Каменному топору когда-то пришли на смену орудия из бронзы. Но кто помнит произведения искусств, созданные при помощи бронзы? Камнем тесались блоки египетских пирамид, разрушались неприступные стены, бульжниками сносились правительства. Камни есть в почках, на Луне, и философский камень, надо полагать, тоже из камня. А бронза? Что хотя бы сделано из бронзы? Разве что антикварные бюстики, приютившиеся на полках телевизионного бесогона. Бесы повозмущались, но что тут поделаешь, если у того на столе несколько прямых телефонов, и все с производителем «черных лебедей». Белые так, для имиджу.

В борьбе за кусок насущного хлеба каждый выживший репортёр способен рождать мини-шедевры, доверяя их неисправимой бумаге. Интимная близость капризной кофеварки стимулирует простату головного мозга, вызывая прилив интеллектуального тестостерона. А в словесной дуэли с соперниками за место у окна посредственность убивается в самом заурядном сценаристе горячих новостей.

Главный редактор Мосин, для которого конец света наступает каждое утро, ещё в конце нулевых смирился с фактом, что повлиять на тонущее состояние нашей посуды ни он, ни бухгалтерия, ни всемогущий бизнес-план не в состоянии. Спасательные гранты, предоставленные изданиям вроде нашего, приводили к смене редакционной политики и, как правило, самого главного редактора. А такую несправедливость по отношению к своему детищу Мосин позволить не мог. С чиновничьей грацией он перекладывал ответственность и неудачи на соратников и с утомлённостью тягловой лошади присваивал любой случайно заблудившийся успех.

Дашку, Дарью, Дарью Сергеевну, настоящее журналистское недоразумение, когда-то пристроила в редакцию стажёром её бабка – уборщица баба Аня. Дашкины родители подались в прихожане какой-то новаторской «церкви», оставили годовалую дочку на попечение Анны Николаевны и растворились без следа в новом религиозном измерении. Но бабка – тот ещё персонаж. Сварливая казачка, орудуя шваброй, словно штыком, прокладывала себе путь в любую литературную келью и бесцеремонно расставляла всех на свои места. Грязная обувь подвергалась стерилизации в половом ведре, а анонимные окурки оказывались в карманах самых разыскиваемых курильщиков. Мне достался KENT, с откушенным фильтром, радужный от соплей и крови. Не выдержав такого насилия, офис смиренно подчинился воле нового властелина порядка.

⁴ В смысле – освобождённой от государственного финансирования

Пролетарская внучка начала своё культурное восхождение с простейших компетенций: разносила кофе, мыла посуду, копировала горы бумажного хлама. В общем, выполняла посильную работу, соответствующую её интеллектуальному уровню. Но и шансов не упускала. Начитавшись книжек по менеджменту, PR, HR, захвату и удержанию аудитории, наш «просвещённый» падаван встречал в занудные дискуссии гигантов журналистики. Она изводила их своим нахальством, бросала язвительные насмешки, обвиняя в непроходимой тяжести их нудятины. Лауреаты забытых премий посмеивались, цитировали классиков и вымирали, унося с собой тайны своей хрестоматийной плодovitости.

Главред то ли с глубокого бодуна, то ли в депрессивном отчаянии, преподнёс Дарье новенькую ставку специалиста по изучению общественного мнения. После чего её неугомонный пыл изгнал не только заслуженных, но и подававших надежды. Количество «воды» сокращалось, зато «актуальный» стало модным словом в похудевшем издании.

Время шло, менялся формат газеты, коллектив, целевая аудитория, но положение не улучшалось. Чего нельзя было сказать о Дарье Сергеевне. После трёх удачных разводов, помимо нескромного «наследства», ей достались дочь Олеся и кресло заместителя главного редактора. И поскольку замуж Дарья больше не собиралась, мы и стали исполнять обязанности её семьи.

С Дарьей Сергеевной мы подружились, когда она была ещё Дашкой, а я – восходящей звездой отечественной журналистики. Мне всегда нравились её безбашенность и темперамент. Искушённая в беспощадных любовных баталиях, она без труда играла собственными эмоциями. Неловкие движения, умоляющий взгляд, сбивчивое дыхание и гранитная осанка. Именно с таким видом и словами «Саш, ты же знаешь, с каким трепетом я к тебе отношусь» Дарья Сергеевна вручила мне приказ о переводе на полставки при условии неизменной нагрузки.

Противостоять её натиску было невозможно, а сбежать с этого тонущего корабля не хватило смелости.

С прочими дармоедами хранительница казны была не столь сентиментальна. Внутренняя неудовлетворённость сублимировалась в бесконечное дрочество всего живого и ползающего. Иногда ласково, согнув жертву в позу принимающей стороны. Иногда с элементами экзорцизма, изгоняя безмятежную душу к дьяволу за искоркой адского пламени. А в особых случаях – с галлюциногенным моделированием, заполняя каждый байт головного мозга жертвы детализированной картиной пылающего мира. После чего покалеченный разум способен был выдавать некоторое время вполне душедробительные сюжеты.

Может быть, за счёт Дарьиного оголтелого энтузиазма, подкреплённого холодной рассудительностью, и держалась наша редакция. Сотрудники, привыкшие к творческой безалаберности, стали приходить на работу вовремя, вызывая регулярную овуляцию свежих идей. Аромат воинствующего нигилизма, зашифрованной похоти, мстительной зависти – всего того, что не дает настоящему репортёру спокойно спать по ночам, выливался в интригующие описания жизни общества.

Прожекторы светской хроники разжигали костры любопытства. В ярком, но недолговечном пламени сгорали родословные русских борзых, восходящих к Рюриковичам; аукционы столового серебра с вензелями красноармейской звёздочки и, разумеется, богемные тусовки с поющими жёнами и не в меру одарёнными детьми.

Репортёры кухни не уставали изобретать рецепты молодильных яблок; разоблачать заговоры пищеварительных систем; устраивать конкурсы на самую элегантную толстую кишку, а ядовитый смрад заплесневелого сыра превращать в благовоние сыра с плесенью, изготовленного по бабушкиному рецепту.

Журналисты от спорта с невероятной точностью предсказывали исход дерби футболистов с хоккеистами на соревнованиях по художественной гимнастике. Обнаруживали в моче

спортсменов следы запрещённого в России «новичка⁵». Умудрялись за ночь пробухать в букмекерской конторе всю кассу, а наутро получить комиссионные за неверно истолкованные болельщиками прогнозы.

Выброшенные на улицу синоптики сразу же оказывались в эпицентре тропического шторма, разметавшего мусорные баки и проколовшего шины безобидного внедорожника соседнего интернет-издания. На хрена им внедорожник?

Газета подстраивалась под вкусы читателей, становилась *soft*, трёхслойной, с ароматом ванили, пыталась даже упаковываться в красочную обёртку.

Редакционный же отдел, нещадно ополовиненный, вынужден был скитаться по «доске объявлений» в поисках вождельной халтуры. Первоначально предложения переработать свежеиспечённый мемуар не вызвали у меня энтузиазма. Но за это платили. И количество денег вдохновляло куда лучше собственных идей. Правда, то, что возникло как левак, как-то незаметно стало отражаться в бухгалтерских сводках, а жизнь заказчиков, вплоть до интимных подробностей, – обсуждаться на редколлегиях. Да и хрен с ним. Так даже веселее.

⁵ Хит продаж прошлого сезона. Не включён ни одной галлюцинирующей страной в список запрещённых препаратов. В следующем году продукт планируется выпустить на рынок в экологической упаковке.

Шахматы

Пятницы наступали с неотвратимой пунктуальностью, сразу же после четверга.

Сначала мы с Макаром по инерции играли в карты. В дурака, в мордобой. Но играть один на один, когда знаешь карты соперника, всё равно что играть в гляделки с зеркалом. Хрен разберёшься, кто первый сморгнул. Через несколько мордобойных пятниц походившие на голлумов игроки решили повысить свой интеллектуальный статус и стали играть в шахматы. А поскольку поясом гроссмейстера обладал только я, церемония вручения на YouTube набрала больше лайков, чем количество просмотров: мне не составляло труда загадывать унижительные желания. Но алкоголь действует на всех по-разному, и под его воздействием искусственный интеллект Макара оказался способен к самообучению, и испытывать унижения приходилось уже мне.

Мой визави исповедует особый стиль игры. Он, как и всякий контуженный, мнит себя экстрасенсом. Убеждает чёрного короля принять православие, пытается предугадать действия взбалмошной королевы, принимает отставки, вызывает духов геройски погибших шахматистов. Когда же шестому чувству каким-то нелепым образом удаётся разъяснить своему блаженному обладателю, что в шахматы, дурак, надо играть мозгами, этот полководец устраивает «Сталинград», меняет всех на всех независимо от чина и привязанностей. А когда сигаретный дым над полями сражений рассеивается и взору предстаёт шахматная пустыня с двумя нищими королями, мой грозный соперник с интонацией, не терпящей отказа, предлагает мне сдаться. Понимая, что дело идёт к рукопашной, я предлагаю отложить партию, а позицию записать или сфотографировать. После продолжительных переговоров и ещё одного литра водки приходим к соглашению: и записать, и сфотографировать.

В моём же понимании шахматы – это бесконечные заговоры, интриги, предательства и, разумеется, удовлетворение разбухшего эго. Я с видом фельдмаршала провожу топографическую рекогносцировку. С наслаждением раскрываю свои коварные замыслы о детском мате, постепенно перерастающем в подростковый. Угрожаю неприятелю вилкой, меняю офицеров местами и, сложив ладони рупором, завожу пластинку с немецким акцентом:

– Ахтунг, ахтунг, руссиш золдатн, сдавайтесь, вас ждёт тёплая постель, трёхразовое питание и всякая другая прохладительная хрень.

После последней фразы в стане соперника начинаются волнения, и я продолжаю:

– Горячительные напитки, селёдка, капуста, а также денежное пособие в размере...

Макар заинтересованно напрягается, и я режу его покалеченный слух, чванливо выговаривая:

– Сдавайся! Свободному миру требуются новые рабы.

Сдаваться Макар не умеет. Праведный гнев вмиг разгоняет по его венам алкоголь, мозг закипает. Дело сделано. Игра развивается по написанному сценарию.

Погрузившись в западно-ненавистнический экстаз, он будет звать одну фигуру за другой, не обойдёт ни одной ловушки и вляпается мимоходом в необязательный мат. Мне остаётся лишь вовремя подливать горячительного да вбрасывать свежую порцию русофобских идеологем. Правда, всё это больше похоже на кривляние, но он клюёт.

Макар исполнял мои желания, я – значительно реже – его.

Но у Госпожи Судьбы свои планы и чувство юмора, так что собственную игру она тоже начала с нами в пятницу.

Макар тогда пришел в приподнятом настроении из налоговой. Мой верный собутыльник сумел втереть налоговикам, что его жена не могла загрязнять окружающую среду, потому как в указанный период находилась в другой стране. Пошёл с козырей, метнул счета за гостиницу вместе с посадочными талонами.

У Макара пунктик: он хранит все чеки, рецепты исчезнувших ухогорлоносов, инструкции давно выброшенных пылесосов и всякую другую бумажную нечисть. Воспоминания Макара вызываются к жизни не с помощью семейных альбомов или попыток жены распилить его мозг и вытащить оттуда дату её рождения, а прошитыми каталогами всё помнящих документов.

– Вот, здесь мы с Оксанкой на море отдыхали, – и с ностальгической улыбкой тычет в чек какой-то многозвёздной гостиницы, – 672 руб. А после этого, – вытаскивает выцветший рецепт, – у меня был жуткий понос, только этим и остановил, чуть не сдох.

В общем, настроение у Макара было пятничным. Водку разлили по стаканам равнообъёмными булками. Залп. Минутная пауза позволяет алкоголю беспрепятственно проникнуть в хранилище недельных воспоминаний и загрузить в буфер обмена наиболее аномальные события. Макар свой рассказ всегда начинал с захватывающего трейлера:

– Слышь, со мной такая херня приключилась.

Искушённый собутыльник всегда помнит: если не разлить вовремя по второй, то светское мероприятие рискует превратиться в бесконечные крестовые походы за святой водой, кулачные бои и разговение после суточного поста в местном бич-приёмнике. Выпили. Румянец проступил на посеревшем лице несостоявшегося крестоносца. Он зажёл сигарету, глубоко затянулся и с наслаждением выпустил очищенный от никотина дым:

– Ну, а у тебя как дела? – удовлетворённо спросил Макар.

Трейлер так и остался самостоятельным культурным произведением.

– Переписываешь всемирную историю? – продолжил он.

– Нет. Этим имиджмейкеры занимаются.

– Автобиографию Деточкина?

– Для этого надо хотя бы ПДД знать.

– Делов-то. Бери, Сашка, меня в консультанты. А то так и будешь тормозить, писатель хренов.

– Да не писатель я, сколько тебе можно говорить. Редактор. Не поэт, не блогер...

– А, это породу я знаю, сам пишет, сам публикует, сам себе комменты строчит.

– Ага, оптимизация времени, бумаги и мысли. Скоро на языке смайликов разговаривать будем.

Макар вопросительно приподнял бровь.

– Это такой круглый Спанч Боб, только немой, – снизошёл я до объяснений.

– Эта херь эмодикон называется, – возразил Макар. – Такая пиктограмма, изображающая эмоции.

Я поперхнулся дымом. Макар иногда выдает колхозные перлы на богемный манер, типа чистокровная мразь или вдохновляющий паразит, но назвать эмодикон пиктограммой – всё равно что гондон противозачаточным средством.

– Да не парься ты. Я на сайте знакомств столько этих эмодиконов насмотрелся. Есть такие, что виртуальный секс за реальные бабки предлагают.

Меня отпустило. Разговор потёк по привычному руслу: бабы, секс, бабки, политика. Эти заложенные в подкорке топики без труда способны дать отпор чатам о компьютерных побоищах или интригам бесконечных сериалов.

Разлили по новой. Выпили. Реально почувствовал потепление. Закурили.

– Вчера в офис такая кобыла заходила, – выпустил дым из ноздрей Макар, – зад как у скаковой лошади, каблуками цок-цок, я чуть не заржал. Обернулась, рожа и впрямь лошадиная, так я чуть не кончил.

– И что? Подлетел жеребцом?

– Какой к черту жеребец. Оксана с утра в офисе торчит, я, как манекен на витрине, прохожих разглядываю, пошевелиться боюсь.

– Так, может, эта кобыла на тебя посмотреть пришла, примерить, прицениться? – подколот я. – Подошёл, упаковала бы.

– Ага, есть у меня одна такая упаковщица, упаковала с ног до головы, хрен пёрнешь. Воду из-под крана не пей, пальцами в заднице не ковыряй, как будто на этот случай какой-то гаджет есть.

– Есть, знаешь такой: не жужжит и в жопу не лезет?

– Чё за хрень?

– Отечественный аппарат для жужжания в жопе.

– А импортный что, входит и выходит?

– Конечно, и жужжит, и вибрирует, и насосом прям внутри надуть можно.

– Понятное дело. Там по таким штучкам мастера.

Разлили.

– Так за что пьём? – спросил я.

– Давай, чтобы к каждому скаковому заду доверчивое личико прилагалось.

– Чего-то мне такой персонаж не встречался.

– Ты что телик не смотришь? Там профессор астрофизики та-ка-я наивная дурочка с коровьими глазками и упругим ртом, что стояк не отпускает, даже когда теща своим задом на руку приземлится. Даже кайфуешь под её тёплым полужописом. Так что давай, за крепкие скромные зады.

Конфликт здравого смысла и сексуальных шаблонов, мутировавших под влиянием голливудских аксиом⁶ скончался под натиском просвещающего алкоголя. Я сдался. Мир меняется. Комиксный тип мышления, безликость социальных сетей формируют новое восприятие сексуальности в стиле Хентай с грудастыми малолетними воительницами. Послевоенные фантазии поверженных самураев становятся повседневными образами.

– Ну, хрен с тобой, за крепкие зады, большие сиськи и их наивных обладательниц.

Выпили.

– Ты когда в последний раз свежий голый зад видел-то? – спросил я. – Фестиваль кружевных трусиков вроде пока не проводится?

Макар задумался, прикидывая, когда клялся жене, что засохшие пятна на внутренней стороне ширинки – не погибшие в изнурительном походе сперматозоиды, а молоко, пролившееся через дырявый тетрапакет.

– В стриптизе. На прошлой неделе на Кузиной днюхе так нажрался. Очнулся под утро за барной стойкой. Как попал, что было, – не помню. Официантка растолкала, на такси посадила. Стал расплачиваться, сунул руку в карман, а там чей-то лифчик. Чуть, блин, не спалился.

– И как там? Что-то изменилось?

– Да ты что, совсем меня не слышишь? Говорю тебе, в стельку пьян был, не зрячий, не мычачий. Лифчик в подъезде закопал, ключ только вставлять, тут дверь вместе с косяком чуть не вылетела. – Макар резко запрокинул голову, пытаясь увернуться от виртуальной двери. – Не успел в нижний старт погрузиться, как в прихожую влетел. Знаешь, как каскадёры на тресе в стенку впечатываются? Вот и я типа того, но, видать, не рассчитал – врезался. Пришёл в себя на кухне, сижу в халате, из ноздрей ватки торчат. Оксанка даже кофе сварила.

– Поразительная у тебя способность – отключаться в самый интересный момент; очнёшься когда-нибудь, а никого уже нет, померли, – засмеялся я.

– Не дождёшься! Стишки мне ещё на столетний юбилей сочинять будешь.

– Не, я к тому времени уже тебя помнить не буду. Друг Альцгеймер мозг высушит.

– Это что ещё за фрукт?

⁶ Элемент религиозного материализма. Недоказанное принимается на веру и служит доказательством в других доказательствах.

– Это когда не помнишь прошлое, но знаешь будущее.

– О-о. Так я с ним тоже подружусь, – захохотал Макар

– К тому времени у тебя в друзьях все герои медицинских комиксов ходить будут, если, конечно, тебе чип в твою большую голову не вставят.

– И ладно, буду с компом на одном языке разговаривать. Говорят, даже в виртуальное пространство нырять можно будет.

– Может, и можно. Только без бабок ты там один хер сортиры драить будешь. Или пушечное мясо в стрелялке изображать...

Макар мгновенно протрезвел, и я почувствовал себя моджахедом в стрелковом тире для воинов-интернационалистов. Надо съезжать с этой темы, не то сейчас вывернет мне голову наизнанку и начнёт переключать клеммы.

– Прости, друг, – с искренним раскаянием, пытаюсь смотреть Макару в глаза, сказал я, – чего-то я погнался. Афганцев уважаю, ты ж знаешь. Сам хотел, да по возрасту не прошёл. Туда, знаю, крепких ребят брали, и чтобы с мозгами всё в порядке было. Давай за ребят, – взялся я за стакан, – за дружбу.

– Разлей до краев, – ровным голосом скомандовал Макар.

Никогда не думал, что так сложно отыскать края у стакана. Молча выпили. Макар с нерушимым выражением лица достал сигарету, поднёс к ноздрям, втянул аромат табака, закатил глаза, завис, повисел, вернулся, вытаращился на меня.

– Э, блин, дыши! – со всей дури вмазал мне по спине.

Алкоголь брызнул из глаз ручьями и мелкими звёздочками. Сквозь кашель я рассказал приятелю всю биографию его родителей, где я его видел и страшную историю его будущего. Макар ржал, как бегемот над тарелкой. Понемногу пришли в себя. Закурили.

– Да, бабы уже не те пошли, – прервал философское молчание Макар.

– Старше стали или стервозней?

– Да одухотворенность куда-то ушла. Раньше увидят у тебя ранение и в обморок прямо на койку падают, а сейчас сам сознание потеряешь, пока весь этот бред о женской пластической моде выслушаешь. Думаешь: что же тебе рот-то не зашили. В стриптизе хорошо, там монету сунул – говорит, ещё одну сунул – замолчала; говорит – замолчала.

– Насыщенный диалог!

– Да, главное, что мозг не выносит.

– Так ты что, туда поболтать ходишь?

– Чувствую себя там просто мужиком, без заморочек, без выноса мозга.

– Ну, туда часто ходить тоже устанешь.

Макар прищурился.

– А давай в шахматы на стриптиз сыграем. Кто проиграет, тот пять ночей туда ходит. И не до китайской пасхи, а до конца этой недели.

– Сдохнешь. Учитывая ещё, что сегодня пятница.

– А-а. Значит, до конца следующей. По рукам?

Вероятность моего проигрыша была нулевой. Макар в последнее время играл хуже Крамника, местного пенсионера, но отстреливался до последнего. Никогда не сдавался.

– Выигравший – по желанию, и за счёт проигравшего, – поставил условие я.

– Без вопросов, – согласился Макар, протягивая мне руку.

Как сказал один французский философ: «люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют ещё пустоты той новой потехи, которая их притягивает». Его послушать, так только страдания наполнены содержанием. Нет уж.

– По рукам.

Игра

- Давай за игру, – предложил Макар.
- Ок. За игру. Горе проигравшему, – поддержал я.

Алкоголь не лечит раны, не поднимает тягостное настроение, он лишь усиливает твоё внутреннее состояние: меланхолия перерастает в депрессию, соперничество в агрессию и авантюризм.

В сражениях экстрасенсов и алкоголиков обычно выигрывают последние, ибо не ведают, что творят, и проследить ход их мыслей не под силу ни Ванге, ни Кашпировскому. В бессмысленной рубке рождаются великие полководцы, сумевшие в мемуарах внести логику и разум туда, где господствовала анархия и безрассудство, подчинить своей новорождённой воле давно почившие батальоны.

Косоглазые солдаты, шмаляющие в разные стороны, криво скачущие кони, ржавые пушки, одноклеточные офицеры, истеричная королева и король-лох. И со всей этой оравой я бросился в атаку.

e2 – e4, ход, заимствованный у великого комбинатора, всегда ставил в тупик любого сраного Каспарова. Но не Макара. Почесав репу, он тупо дал зеркальный ответ.

Самовлюблённая, но страдающая старческим слабоумием королева выбегает на середину доски, заявляя свои претензии на обосравшуюся пешку.

Бесхитростный Макар предложил переговоры, но, забрызганный ядовитой слюной, выдал «Пошёл ты» и двинул коня.

– Может, всё-таки подумаешь? У нас ведь с тобой столько общего. Жаль будет ампутировать твой кошелёк, – хохотал я, восхищаясь собственным красноречием.

– Ты давай, держи свои слюни при себе. До моего офшора больше ни одна кочерга не дотянется.

– Знаю я где, твой офшор, куркуль херов. У мамки на сберкнижке. Против такой защиты *Webmoney*, *Bitcoin* отдыхает, – хохотнул я, толкая упирающегося слона с угрозой молниеносного мата.

Жажда скорой победы и обнажённого представления залили мою башку адреналиново-феромонной смесью, туманя и без того помутнённый рассудок.

Блицкриг не состоялся, Макар погрузился в эшелонированную оборону, взломать которую без очередной порции не представлялось возможным.

– Ты так окопался, будто Форт Нокс обороняешь. Расслабься, не оскудеет твоя сокровищница, по крайней мере, не сразу. Давай выпьем. Кто бы ни проиграл, мы оба выиграем. За победу.

Макар глянул на меня, на стакан.

– Лады, кто бы ни проиграл – расплачиваешься ты.

– Условий не меняем, ты же знаешь. Не гони. Давай, – я опрокинул стакан.

Макар трясся за каждую пешку, страхуя их бесценные жизни вереницей нетрадиционных связей слонов с конями, пешек с офицерами. Эти браки могли продержаться всю игру, так и не дав познать позиционного адюльтера с непохожими особями. Мои тщетные попытки разбить их тягостное целомудрие бесплатной фигурой натыкались на глубокую задумчивость их полководца.

– Не, ни хрена, несъедобная.

– «Токсичная» ещё скажи. Ты так и просидишь в своём бункере или всё-таки погулять выйдешь? Задолбался я уже за твоими манёврами наблюдать.

– Чёрт с тобой. Сам напросился.

Понеслась рубка, бессмысленная и беспощадная, прерываемая лишь залпами алкоголя. Груды поверженных тел заполнили тарелки рядом с варениками и огурцами.

– Шах, – объявил Макар.

Усилием широко растопыренных глаз я поймал доску и обнаружил тот самый «шах». Конём.

– Э, ты чего? В этой партии лошади так не ходят, – запротестовал я.

Макару пофиг. Захотелось вцепиться ему в рожу, отгрызть ухо и прочитать в него правила шахматной игры.

Полторы тысячи лет эволюции интеллектуального единоборства превратили эту игру в догму, в какой-то исходный код закостенелости. Программы, мораль, законы, ДНК переписываются каждый день. Одноразовость стала образом жизни. Одноразовый стаканчик, рубашка, секс, книга. Не приживаются ни жёны, ни смартфоны. Всегда появляется более соблазнительная модель. Процесс перманентного апгрейда стал смыслом жизни.

Каменный век закончился всего 30 лет назад, и коллективистский гомо сапиенс⁷ вымирает, инфицированный вирусом индивидуальной исключительности. Сначала это называлось свободой, затем оригинальностью, а сегодня подаётся как гендерная уникальность каждого индивида. Количество открытых «научным» сообществом половых мутаций опережает население планеты.

Прогрессирующая агорафобия⁸ раскрашивает внешний мир миллионами искусственных оттенков через окна гаджетов. Обоняние деградирует до уровня микроволновки, а тактильное восприятие не различает робкого прикосновения от приземления жужжащего аэробуса. Копируемые новости лишены эстетики, и вот она – вождельная однородная исключительность.

Ухи Макара я пощадил, совести не нашёл. Провёл переключку; оказалось, что вместе с дезертирами потерял большую половину контингента. Обе королевы скончались от недостатка внимания.

Макар откинулся на стуле, накидывая петли сигаретного дыма мне на шею. Я вкушал победу еще несколько минут назад, а теперь, погрузившись в шахматные форумы, пытаюсь отыскать уловки великих комбинаторов.

Жажда бесплатного сыра толкает людей опустошать мышеловки под одобрительный хохот сытых кошек. Клетка захлопнулась, и я, освобождая сознание от законов приличия, под покровом крошечной темноты, опустившейся за окном, просто стырил ладью.

Надо было видеть Макарову рожу!

Развернулся нешуточный спор. Бессовестные претензии соперника, сопровождаемые гнусными подозрениями и размашистой жестикуляцией, наталкивались на искреннее непонимание. Прооравшись, Макар обессиленно опустился на стул. Я громко высморкался, опрокинул воображаемый канделябр и сообщил, что сударь может идти в жопу, провожать не стану, дорогу сам найдёт.

Пристроив сигарету в углу рта, широкими энергичными движениями я сгрёб посуду в мусорное ведро, плавно обтекая шахматную позицию и специализированную тару. Намёк не остался незамеченным. Макар поскрежетал зубами, наполнил высохшие стаканы, выпил, обхватил голову и устался на шахматную доску. Буря улеглась. Изгнанная посуда вернулась на подписанные кетчупом и майонезом места.

Обычно после адrenalинового теракта сознание переключает плеер восприятия на пониженную скорость: внешний мир кажется заторможенным, речь – глухой и протяжной, а иногда и вовсе вырезает целые фрагменты зависшего бытия.

⁷ Человек разумный, отличается сотрудничеством в больших коллективах. Придя с Ближнего Востока, истребил европейских неандертальцев примерно 40 тыс. лет назад.

⁸ Боязнь открытого пространства

Макар, будучи человеком женатым, тренированным, привык к ежедневным болевым шокам и аудиоокупации и достаточно быстро возвращался в реальность – снимал последние данные GPS, синхронизировал внутренние часы с часами супруги и вплетался в круговорот её дел и переживаний. Я же, лишённый опыта бытового насилия и финансового сепаратизма, долго курсировал между затянувшейся игрой и оцепенением, пока где-то на краю шахматной географии не прошляпил беспризорную пешку. Пропетляв сквозь всевозможные преграды, Макарова Марта⁹ дошагала до края доски и превратилась в королеву. Спорить не стал. Безразлично опрокинул своего короля.

Оживший от свалившегося счастья Макар сразу преобразился в мужика с гармошкой.

– Ну что, Карабас Барабас, владелец лугов и огородов. Что притих?

– Тогда уж маркиз де Карабас.

– Когда это ты себе маркиза присвоил?

Я закатил глаза.

– Могу принять контрибуцию землями, – довольный собой Макар развернул гармонь, выпуская высокие переливистые аккорды. – Но не хочу.

Гармонь расстроилась.

– Зачем они мне?

Заплакала.

– Крестьян, что ли, выращивать?

Съехала клавишным рядом на пол.

– Ага. Я вот выращиваю. Охренеть плодоносная культура. В город поставляю.

Что, не смеётесь? Нам показалось смешно. Обхохотались.

– Ты с кем разговариваешь? – перебил мои мысли Макар, – Снова глюк¹⁰ поймал? У тебя точно крыша протекла. Могу психиатра посоветовать. Пропишет колёса. Будешь хоть по рецепту в свой воображариум улетать.

Макар посмотрел на часы.

– О, двенадцать. Они открылись! Чего загрустил, как сперма на галстук? Одевайся. Поехали.

⁹ Девичье имя Екатерины I

¹⁰ Программный сбой, сопровождающийся безразличием интерфейса к внешней агрессии пользователя

Ночь первая

Мужской клуб «Men's dreams» не относится к премиум-заведениям, где под ярким светом софитов по подиуму прогуливаются двойники обложек «Плейбоя», а улыбки этих ночных золушек, глянцевого как снаружи, так и внутри, неподъёмна для кредитной карточки «Мир». Наше заведение более демократично в интерьере, проще в обслуживании, а не столь блистательная чистота «брильянтов» придаёт им лишь больше тепла и манящей загадочности в макиажном полумраке полуподвала.

Клуб встретил нас двумя гостеприимными вышибалами и милой барышней с глубоким декольте, сочными губами и всеми прочими атрибутами второсортного заведения.

– Вы у нас первый раз? – с равнодушной улыбкой спросила девушка.

– Спрашиваешь, как коров на бойне, – окрысился Макар, – нет, блин, второй.

Барышня слегка подвисла, ища подходящий вариант продолжения пограничной процедуры.

– А Марго здесь? – вернул я девушку в обычный круговорот приветственной церемонии.

Она облегчённо улыбнулась.

– Да, конечно, сейчас приглашу.

С Марго, администратором заведения, хотя слышал – зовут её совсем по-другому, мы знакомы давно. Ещё до того, как мне закрыли вход в приличные общества за мой пьяный психоделический бред. Марго пыталась заткнуть эту нескончаемую ахинею, пока однажды сама не послала в баню домогающегося гостя. Я рассказал ему, как пройти. С тех пор и встречаемся под менее изысканными вывесками.

– Привет, Сашенька! Как я рада тебя видеть! Куда это ты пропал?

Стройная блондинка в чёрном платье, слегка вьющиеся волосы, утончённые черты, пронизывающий взгляд. Понимаю, звучит как клише, но не стану жертвовать фактами в угоду оригинальности.

– Марго! – засуетился я, обнимая старого друга, – ты какую живую воду пьёшь? Всё красивее и красивее!

– Ну, ты меня просто в краску вгоняешь, – чуть вздёрнув брови, произнесла Марго.

Такая, скажем, – отточенная застенчивость. Робкий взгляд. Опускает глаза. И, собравшись с силами, поднимает на тебя полный решимости взгляд. Понимает, что всё пропало, и покорно ведёт тебя к месту твоего временного пристанища.

Усадили нас в «партере», откуда всех видно и все видят тебя. Разношёрстная публика завистливо не обратила на нас внимания. Пропустив с нами пару бокалов, Марго умчалась управлять стелющимся туманом, беглым огнём и прочим движимым и недвижимым имуществом. На диванчике, на противоположном берегу зала, ютилась стайка длинноногих лотосов. Выросшие из грязи, эти девушки пытаются пробиться в мир дорогих магазинов и безоблачной жизни. А походу и денег «на учёбу» срубить.

– Похоже, нас с тобой раздевают, – сказал Макар, глядя в их сторону.

– Ага, и взвешивают.

Между нитями синтетического света протиснулся силуэт, словно срисованный с героини «Сумерек».

– Для вас станцевать? – скромно спросила она.

– Лучше присядьте, – ответил я.

Девушка положила колено на диван, глянула вопросительно.

– Вы так похожи на Беллу Свон, что хочется стать добровольным донором, – попытался пошутить я.

Она лишь скучающе улыбнулась, давая понять банальность такого захода.

– Слушай, а если ты моего друга укусишь, – подхватил Макар, – он превратится в вампира?

«Белла» мазнула по мне взглядом:

– Нет, в стриптизёршу.

Макар рассмеялся:

– Да он похлеще. На работе его трахают, а он начальствующие зады облизывает. Денег за это просит.

Я готов был переписать героическую биографию этого острослова, забив в его детство камень издевательств и недостатка витаминов, но отмщение пришло со стороны девушки.

– Кстати, насчёт денег. Я ведь тоже здесь на работе, – обернулась она к Макару.

Теперь засмеялся я.

– Интересно, а если тебя я укушу, – не унимался мой приятель, – в кого ты превратишься?

– Не знаю, наверно, в оборотня. Надеюсь, при погонах.

После того как в чулке Беллы зашелестела купюра, наша компания стала разрастаться, вокруг всё загомонило, забулькало, и в какой-то момент я ощутил себя пьяным мужиком в пахучем стогу сена на деревенском лугу. В сознание меня вернул удар дружественного локтя.

Пришедшая в себя музыка вытолкнула на сцену кордебалет, лихо подбрасывающий ноги в такт маятнику голов захмелевших от тестостерона зрителей. Я снова катапультировал на сеновал своего уединения, где меня выследила какая-то назойливая муха, пронзительно щекоча уголки губ. Пришлось вернуться за мухобойкой. Сквозь слипшиеся веки я разглядел размытые очертания повелительницы мух с озорной улыбкой и соломинкой возле моего рта. Почему-то стало смешно и приятно.

– Проснись, – негромко и почти нараспев произнесло привидение.

– Ага, я проснусь, ты исчезнешь, – и мальчишка в моей голове зажмурил глаза.

Смех на той стороне реальности разбудил любопытство, и мне жутко захотелось увидеть сказочного персонажа, поселившегося на границе моего понимания. Я потряс головой, как глиняной копилкой, проверяя полноту содержимого, потёр веки, сфокусировал взгляд. На коленях сидела худенькая девушка, улыбающаяся, как лягушонок первым каплям дождя.

Огляделся вокруг – никого на коленях больше не было. Опять приснилась какая-то фигня.

– Ты кто? – разочарованно буркнул я.

– Кира.

– А по паспорту?

– Кира.

– А по бабушке?

– Васильевна.

Какой, на хер, Василий свою дочку Кирой назовёт? Пелагея – предел фантазии.

– А здесь, Васильевна, что делаешь?

– Деньги нужны.

По всей видимости, спящим я похожу на неохраняемый резервуар зелени.

– Деньги всегда нужны.

Девушка качнула головой, пожала плечами.

– Мама болеет, а лекарства дорогие.

– А-а, – вяло зевнул я.

Эти написанные под копирку сюжеты про больных родителей, несчастную любовь, катастрофу, уничтожившую огромное состояние, и благородное происхождение наводили на меня тоску.

Как обожравшийся впечатлений турист, я принялся лениво осматривать её достопримечательности. Собранные в узелок рыжеватые волосы, заострённые черты лица, прямые плечи,

недоразвитая, как у школьницы, грудь. Не найдя никаких особых художественных изысков, я снял карантин с зоны своего восприятия, и внешний мир растворил меня в хаосе искусно организованного соблазна.

Напился до чёртиков.

Происходящее постепенно стало проникать в сознание лишь в виде редких застывших иллюстраций, и я поспешил вывалиться на улицу. Глотнул воздуха и, переходя вброд полноводные лужи, двинулся домой доживать эту странную ночь.

Если откажется

День наступил сразу, без прелюдий и утренней эрекции. На часах полвторого, квартира в руинах аморального образа жизни. Домработница категорически отказалась выходить после пятницы, какой бы день недели за ней ни наступал. Пришлось пообещать себе солидные чаевые, чтобы распахнуть по шкафам остатки собственного и неопознанного гардероба, свалить в посудомойку фарфоровую и пластиковую посуду и после пары часов исправительных работ поместить себя под струю контрастного душа. Первая сигарета, ароматизированная горячим кофе, заставила на минуту поверить в искренность здорового образа жизни и тут же напомнила о вчерашнем проигрыше. Набрал Макара.

– Привет, дружище! Куда вчера исчез? – раздался в трубке на удивление бодрый голос.

– Да не исчезал я, пешком ушёл. Что там у нас? Всё в краях?

– Э-э, да ты что, несознанку включаешь? За тобой ещё четыре ночи. Уговоришь – поучаствую в твоих кошмарах.

После непродолжительных препирательств решили продолжить сегодня, взяв старт у меня на кухне. При обыске приговоренных к стирке брюк обнаружил обрывок салфетки с именем и номером телефона. Я долго разглядывал этот «фолиант», пытаюсь вспомнить обстоятельства его генезиса. По всей видимости, этот исторический промежуток затерялся среди прочих незадокументированных эпизодов.

Набрал номер, долго не ждал:

– Алё.

– Алё. Кира? Ваш номер у меня на салфетке записан. Мы, кажется, вчера познакомились. Что-нибудь такое припоминаете?

– А-а. Помню, – собеседница рассмеялась. – У вас уши ещё такие оттопыренные. И стрижка короткая.

– Точно, мой портрет.

– Вы ещё за мой номер полцарства предлагали, а потом торговаться стали.

– И на чем сошлись?

– На такси хватило.

Вот это я погнал. Как выкручиваться?

– Думала, потеряете.

– Запись, нацарапанная на салфетке, это же государственный масштаб важности. Даже «контактам» не доверишь. Как пришёл, сразу в сейф, – сказал я, пытаюсь придать голосу бюрократический лоск.

– Да вы просто в кнопки не попадали.

Голос перекатился в смех, я зажмурился от неловкости.

– Вы, когда проснулись, такой смешной были.

Странно, но память вернула меня не в полумрак стриптиз-клуба, а на сеновал, где весело улыбающаяся девушка щекочет меня соломинкой в утренней мгле.

– Да я, когда засыпаю, ещё смешней. Как-нибудь продемонстрирую.

Какого хрена я это сморозил? Но девушка не смутилась.

– А как вас зовут? А то в клубе вы так и не сказали. Или это секрет государственного масштаба важности?

– Ещё какой. Но вам скажу. Александр.

– Александр, а можно я вас буду Сашей называть? А то совсем как-то торжественно.

Да что ж такое в её голосе? Как будто совсем рядом или внутри головы. Напряжённо заёрзал. Попытался придать позе непринужденный вид. Ни хрена. Деревяшка. Мысленно выругался, согласился на Сашу и позвал в гости.

Я был уверен, что она откажется. Она согласилась.

Звонок в дверь застал нас с Макаром с поднятыми стаканами, обнулив очередной сакраментальный для алкоголиков тост. Я открыл дверь. На пороге стояла невысокая девушка в коротеньком платье, кедах, с небольшим рюкзаком.

– Здравствуйте, Саша, я Кира. Не узнали?

– Конечно, узнал, – соврал я, удивляясь простоте, в которой провидение представляет своих избранниц. – Только ты чего-то какая-то маленькая.

– Да. В стриптизе я на 25 сантиметров выше, – улыбнулась Кира, и бессонные морщинки рассыпались в уголках её глаз.

– Ну, проходи. Осваивайся.

В комнате Кира кивнула Макару, устроилась на краешке стула и с детским любопытством стала изучать страну великанов. Я столь же откровенно изучал её. Прямые, слегка спутанные волосы сбегали к плечам. Карие глаза без тени косметики. Тонкий, чуть с горбинкой нос. Разъехавшиеся в улыбке губы открывали вереницу мелких, слегка желтоватых зубов. Кокетливые ямочки и гуляющие в собственных эмоциях брови. Все эти несурезицы, как ни странно, делали её лицо милым и удивительно живым.

Повертевшись на стуле, Кира замерла с ровной, как доска, спиной и вздёрнутым подбородком и превратилась в прилежного ученика на вступительном экзамене.

Изображая пресыщенного продюсера, утомившегося от галдежа юных Офелий, Макар снисходительно протянул:

– Так. Что тут у нас? – попытался повесить театральную паузу и, не выдержав собственной драматургии, разразился смехом.

Кира картинно выдохнула, расслабила спину, заразительно рассмеялась провалившемуся немому спектаклю. Макар, успокоившись, начал разливать виски по бокалам.

– Мне совсем чуть-чуть, я много не пью.

– Да мы ещё в стриптизе заметили. Пей, сколько душа просит. А не просит, можешь и пропустить.

Беседа полилась непринуждённо, не заморачиваясь на тему очередной нетерпеливой истории. Кира с юмором рассказывала о жизни в стриптизе, случайных романах и предначертанных встречах. Мы снисходительно слушали.

– А вы что, в шахматы играете? – Кира кивнула на доску, сосланную на край стола.

– Да, играем, – кивнул я, – на всякие дебилские желания.

– Ага, товарищ вон на пять ночей походов в стриптиз попал, – ухмыльнулся Макар

– Правда? – недоверчиво переспросила Кира. – И что, если кто-то проиграл – будет обязательно исполнять?

– Ну да. На деньги не играем, а то разосрёмся. Желание всегда оговариваем до игры. Проиграл – выполняй. Раньше в мордобой играли.

– Это как? Проигравшего по лицу что ли бьют?

– Да нет. По морде, – ухмыльнулся Макар.

– Это в карты, в дурака, – пояснил я, – второму месту достаётся утешительный приз. Картами по разным частям физиономии или щелбаны – в зависимости от выпавшей карты.

Кира нахмурилась, я взял колоду.

– Вот смотри. Колода перетасовывается. Проигравший загадывает карту, и все карты до неё отбрасываются. Среди оставшихся, допустим, туз – удар по ушам, король – пустышка, ничего не пробивается, дама – по носу и так далее

– И что, прямо бьёте?

– Наотмашь, – с ноткой блаженства подтвердил я. – Хочешь попробовать?

Кира молча замотала головой. Я стал неуклюже оправдываться.

– Так уж с детства пошло. Шанс слабому отомстить более здоровому обидчику. Так что хлестали всегда от души. Был у нас во дворе Игорь Рыбаков – крепкий переросток с кувалдами вместо рук. Рыба его называли. Шугал пацанов, мучил, но справедливости ради, надо признать, что его хоть и боялись, но уважали. Без него не обходилась ни одна разборка с соседними площадками. В таких драках Рыба был просто ледакол, а остальные только прикрывали его кильватер. С Игорем не страшно было лезть в драку, но проиграть ему в мордобой! Туши свет.

Я перевёл дыхание, закурил и продолжал, уже с наслаждением смакуя воспоминания.

– Но и ему как-то тоже случилось стать жертвой этой игры. После одной из раздач стало понятно, что у Рыбы карты полный отстой. Мы, как шакалята, учуявшие добычу, стали подкрадываться к нему со всех сторон, всё подкидывая и подкидывая карты. В мысленном стоворе, даже не переглядываясь, мы топили Рыбу как Тургенев Герасима. Нависший над Игорем карточный приговор маниакально возбуждал малолетних садистов. И это случилось. Славка, местный катала, прокрутив ложную тасовку, оставил выбранную Рыбой карту на самом верху, и мы в экстазе расстреляли в Игоря всю скопившуюся злость. Под ржач и улюлюканье на него сыпались градом удары со всех сторон. Опьяненные возможностью начистить Рыбе морду, мы уже не соблюдали правил и били, даже когда выпадали пустышки. В азарт вошли и наблюдавшие. Под шумок и они не упускали шанса врезать Игорю, – я на мгновение прервался, улыбаясь далекому детству. – Разбежались все быстро, как тараканы от дихлофоса, а разодранный и униженный Игорь остался посреди двора. Рожа у него была, как помидор. То ещё зрелище.

– А если бы он отказался? – спросила Кира.

– Что отказался?

– Ну, это... по морде получать.

– Не знаю, у нас такого никогда не было, – я задумался. – Позвали бы старших, они бы его усадили и сами бы ещё добавили.

– А если нет старших?

Я пожал плечами, глотнул колы.

– Вы бы все вместе на него навалились?

Надо признать, что такой расклад вообще никогда не рассматривался.

– Да нет. Вряд ли кто-нибудь решился. Рыба, он же здоровенный. Да и не могло такого быть.

– А если бы было? – не унималась Кира.

Я помолчал и ничего не нашёлся ответить.

Повисло тягучее молчание.

– Со мной случай в армии был, – решил поддержать беседу Макар. – Перед Афганом бойцов через учебку пропускали. Полгода сплошной муштры. Если не бежишь, то ползёшь; если не ползёшь, значит, над тобой танкисты катаются. И был у нас замкомвзвод Толик. Просто рама. Не знаю, чего он на меня взелся, но метелил при каждом удобном случае.

Макар затынулся. Неспешно выпустил дым, упёрся остекленевшим взглядом в зажигалку.

– Пытался я ему сдачи дать. Только он совсем с катушек слетал. Херачил от души.

– Так есть же офицеры, – не выдержала Кира, – мог бы им рассказать, они бы его наказали. Ведь так?

– Конечно, так. Наказали бы. Выговор влепили. А меня бы потом в батальон обеспечения весь оставшийся срок парашу выгребать.

– И что? Так и терпел? – спросил я.

– Ага, нашел терпилу, – сквозь зубы процедил Макар, – Я ему то пинка перед строем отвешу, то в столовой борщ на голову вылью.

Макар снова взял паузу, втягивая кислый дым тлеющего фильтра.

– И что дальше? Вы помирились? Да?

– Дальше я попал в госпиталь.

Кира подалась к Макару, будто хотела обнять, но осталась на месте, только глаза заблестели.

Рассказчик отчуждённо молчал.

– Да не тяни ты жилы. Дальше что?

– Снова борщ, снова госпиталь.

Макар задумчиво улыбнулся, потер висок, оскалился.

– Не помню уже, что там конкретно произошло, но скоро Толик нашел себе новую жертву. Про меня напрочь забыл. А я с саперной лопаткой так до конца учебки и не расставался.

Макар затушил остатки фильтра обожженными пальцами.

– А через полгода этого ада Афган уже не показался чем-то кошмарным. Там другие правила. Там офицер солдату брат. Сержант от пули сбережет. Одна сигарета по кругу. А письмо из дома – самый драгоценный подарок.

Ночь вторая

Проводив Киру готовиться к ночному представлению, мы опустошили поредевший бар, переругались с беспокойными соседями и отправились в последнее пристанище неунывающих скитальцев ночного города. Вероятно, «критические дни», включая, разумеется, и ночи, наступают одновременно и повсеместно. Словно отвечая этой насмешке природы, стриптиз был также критически перенасыщен взрывоопасной смесью обезумевших феромонов. Именно в такие ночи вершатся самые злодейские преступления, делаются самые гениальные открытия. Поскольку гениальностью мы не отличались, а становиться жертвой насилия мне как-то не улыбалось, я предложил посидеть сегодня по-тихому, скромно удовлетворяясь созерцанием обнажённых женских тел. Но Марго зарезервировала для нас вчерашний столик и с пожеланием «наслаждайтесь» кинулась обставлять зал дополнительной мебелью. Макар огляделся по сторонам, встречая любопытные взгляды.

– Знаешь, почему на порносеансах билеты на второй ряд стоят дороже, чем на первый?

– Почему? – не въехал я в сарказм вопроса.

– Со второго можно наблюдать ещё и за первым.

Я огляделся. Похоже, весь зал сидел на втором ряду.

– Да уж. Может, нам диван повернуть лицом к залу да начать мастурбировать?

– Ага, а потом вздрогнуть от присутственного покашливания и завизжать: кто здесь?

Мы говорили громко, народ стал ржать и отворачиваться. Тем временем со сцены выбросился трап, и под аккомпанемент марша и бурный шум встречающих по нему стали спускаться истосковавшиеся юнги в матросских сорочках, миниатюрных юбочках с бутылками рома разного достоинства. У Киры оказался самый дорогой. Привет от Марго, усмехнувшись, подумал я. Киру уже окликали «соскучившиеся друзья и родственники», но она умоляюще смотрела в нашу сторону. Заглушая скрежет прогрессирующего скупердяйства, я встал и с картинной улыбкой распахнул объятия, выдавливая из себя трепет долгожданной встречи. Кира взвизгнула, подпрыгнула, хлестнув себя пятками по попке, и бросилась мне на шею.

О-хре-неть!

Волна ликования, очаровывающий взгляд, воспалённое сердцебиение невесомой фигуры, спрятанный в остановившемся времени тягучий поцелуй... я, казалось, выскользнул за рамки физических законов. Презрев гравитацию, я готов был прыгнуть на потолок, но раздражённый голос вернул тяжесть материальным объектам и обрушил меня на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.